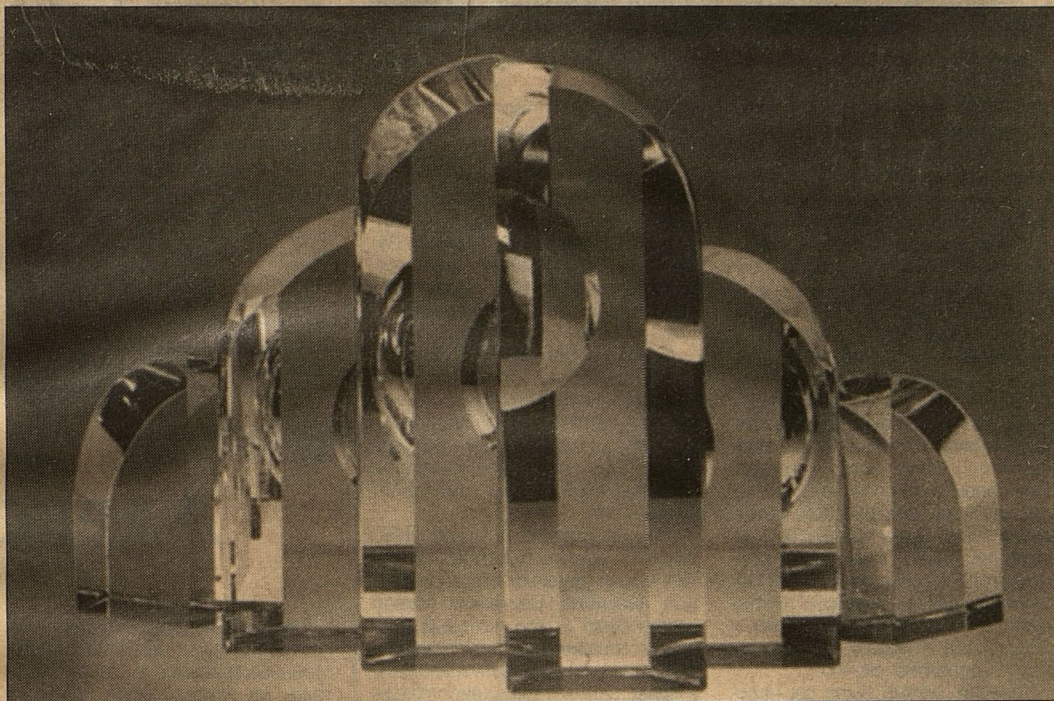

ОЛЬГА ПОБЕДОВА-РУКАВИШНИКОВА:

Ре-Цептуализм — что это такое?

Культура. 2002. — 10-16 янв. — с. 10

Слева: О.Победова-Рукавишников. Справа: "Святая София". 1993 г.

Член-корреспондент Российской академии художеств Ольга Победова-Рукавишников своей выставкой "Практика ре-Цептуализма", открытой в залах Российской академии художеств на Пречистенке, отмечает годовщину со дня смерти мужа Иулиана Митрофановича Рукавишникова. В 1973 году, когда Ольга Победова окончила Строгановское училище, скульптор Иулиан Рукавишников неожиданно для своих коллег порывает с догмами соцреализма и переходит к работе с "чистыми формами". Свои абстрактные скульптуры он развивает постепенно в псевдоанималистические произведения. С начала 1990-х годов Ольга Победова, изначально "формалистка", работает и выставляется вместе с Иулианом Рукавишниковым. Скульпторы, использующие в своем творчестве разные материалы — Иулиан традиционно предпочитает бронзу и камень, Ольга — оптическое стекло — как бы сам привел меня к супрематизму Малевича, Лепорской, Чашника. Вся новизна моих работ — в необычных эффектах лучепреломления и отражения оптического стекла. Черный и красный цвета Малевича позволяют мне создать траурное ощущение всей выставки...

Второй зал, к которому примыкает и наш с Иулианом Митрофановичем зал в галерее искусств на Пречистенке, 19, посвящен моему совместному с мужем творчеству. Это не только произведения, исполненные вместе с ним, но также им вдохновленные. Я обсуждала с Иулианом Митрофановичем каждую свою работу. Эскиз последней

ла его как художника и человека, училась у него. Год назад Иулиан Рукавишников не стало. Поэтому впервые я выступаю одна. Экспозиция делится на три части — доиулиановский, иулиановский, постиулиановский залы. В первом я показываю свои ранние работы в "чистой пластике" очень простых форм: кубов, параллелепипедов, пирамид. Еще в Строгановке я увлеклась искусством русского авангарда десятих — двадцатых годов, который тогда был под запретом. Но нам, художникам-прикладникам, позволялось работать с чистыми формами. Мой любимый материал — оптическое стекло — как бы сам привел меня к супрематизму Малевича, Лепорской, Чашника. Вся новизна моих работ — в необычных эффектах лучепреломления и отражения оптического стекла. Черный и красный цвета Малевича позволяют мне создать траурное ощущение всей выставки...

Второй зал, к которому примыкает и наш с Иулианом Митрофановичем зал в галерее искусств на Пречистенке, 19, посвящен моему совместному с мужем творчеству. Это не только произведения, исполненные вместе с ним, но также им вдохновленные. Я обсуждала с Иулианом Митрофановичем каждую свою работу. Эскиз последней

из них он особо отметил, сказал, что это шаг вперед в моем творчестве. Что это за работа? Точного названия она не имеет, но смысл ее — трагический разлом, катастрофа в человеческой жизни, в природе. Может быть, я обозначу ее строкой из стихотворения "Последний катаклизм" Федора Тютчева, которого так любил Иулиан Митрофанович:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:

Все зримое опять покроют воды,
И Божий Лик изобразится в них!

С этим эпиграфом я спроектировала к 200-летию Тютчева памятник великому поэту. Предполагаю установить его на Чистых прудах. В третьем зале смонтированы мои инсталляции, часть которых я демонстрировала летом на Международной биеннале "Диалоги" в Санкт-Петербурге, потом — в Москве, в Академии художеств. Оттуда директор Московского музея современного искусства Зураб Церетели перевез эти инсталляции к себе, на Петровку, 25. Это своеобразные большие, до четырех-пяти метров композиции из листового стекла и металлических струн. Они являются как бы развитием моего интерьерного творчества.

состоялась выставка, которая называлась "Четвертое измерение".

— У вас есть какие-то определенные тематические направления в вашем творчестве?

— Дело не в теме, а в выразительности пластики — сочетании форм, объемов, плоскостей, сферических поверхностей, внутренней фактуры. Но иногда какое-то сильное впечатление может выразиться и в конкретном сюжете. Например, "Святая София", прообразом которой стал киевский храм. Мне нравятся архитектурные формы. Не только древних храмов, но и современных построек, даже архитектурные фантазии. Так, для выставки, посвященной 850-летию Москвы, я не захотела повторять уже порядком заезженные градостроительные мотивы столицы и создала некую модель архитектуры будущего, как это я себе представляю.

Исполнила я и ряд произведений на музыкальные темы. Например, "Торжественная симфония", "Аккорд", "Светлая мелодия". Но часто возникают причудливые конструкции, вызванные какими-то подсознательными чувствами и настроениями, требующими абстрактных решений. Задумала, по-моему, интересные конструкции из оптического стекла и металла, которые назвала "Структуры". Они как бы продолжают мою серию "Виртуальная подлинность". И развивают идеи инсталляции в Музее современного искусства "Памяти ХЛЕКУМА" — понятно, что это Хлебников, Крученых, Малевич.

— Вы участвовали во многих отечественных и зарубежных выставках и конкурсах, имеете, вероятно, различные награды...

— Я получила первые премии на внутрисоветских конкурсах в 1987, 1988, 1994 и 1996 годах. В 1998 году меня наградили золотой медалью Российской академии художеств в 1999-м — серебряной медалью Всероссийского выставочного центра. Мои работы находятся во многих наших и зарубежных музеях и частных собраниях. Особенно большая коллекция хранится в Музее "Царицыно". В 1995 году на выставке-конкурсе в США международное жюри во главе с Дональдом Куспитом включило меня в число ста лучших художников мира, работающих в стекле. Что для меня особенно важно перед началом турне моей выставки по Америке.

— Не соперничают ли они с чистыми формами из оптического стекла?

— Нет, конечно. Хотя занимают теперь у меня большое место. Оптическое стекло — материал дорогостоящий, энергоемкий, оно изготавливается в заводских условиях с применением самых высоких технологий. Поэтому его "чистые формы" стоят дорого. Раньше мои изделия с выставок сразу закупались и уходили в музеи. Теперь музеи обеднели и еле сводят концы с концами. Но при всех трудностях я никогда не изменяю оптическому стеклу.

— А как вы пришли к нему?

— Мне всегда нравилось стекло. Интерес к нему возник еще в детстве. Вспоминаю затейливые зимние узоры на оконном стекле, игру солнечных бликов на февральском снегу. Очень любила старинное зеркало у бабушки и хрустальные подвески на люстре с их необыкновенным хрустальным звоном. Семилетней меня сводили на выставку чешского стекла — и я им заболела. Поэтому никаких проблем с выбором профессии у меня не было. В 1968 году я поступила в Высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское) и сразу — на стекло. Какие необозримые возможности оно дает художнику! Какие неизведанные дали открывает! У меня даже